

Александр Донцов

ФЕНОМЕН ЗАВИСТИ: НОМО INVIDENS?

*Грушеньке
с любовью и восхищением*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спасибо, что в наше суетное время, когда и газеты перестали читать, вы открыли книгу с мудреным названием. Номо invidens означает «человек завистливый». Не ищите это словосочетание в психологических, социологических и философских словарях: оно туда не успело попасть. А должно бы. Почему? Если вам это интересно, вы держите нужную книгу. Я несколько лет дотошно и с азартом собирал для нее материал, вдумчиво его изучал и готов искренне поделиться с вами. Уверен, в ней вы найдете кое-что новое.

Можно ли мне доверять? Надеюсь. Порукой тому – солидный жизненный и профессиональный опыт. Мне 65, из них 30 счастливо женат на знаменитой писательнице Дарье Донцовой. Круг общения – широкий и разнообразный, а с учетом моих многолетних административных обязанностей – еще и весьма многоплановый. Словом, понаблюдать, как ведут себя люди в горе и радости, пришлось вдоволь. Профессиональными навыками человековедения тоже не обделен. Учился им у выдающихся профессоров факультета психологии Московского университета, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работал на должностях от ассистента до декана, а ныне служу профессором, преподаю социальную психологию. Хорошо знаю, ученые степени и звания проницательности не гарантируют, но от очевидной глупости предлагаемый вашему вниманию текст избавляют. Студенты за лекцию иногда благодарят аплодисментами, и даже коллеги, бывает, внимают с интересом. Думаю, мне есть что сказать, а вам – услышать.

К сожалению, уважаемый читатель, не знаю, кто вы и чем занимаетесь. Если вы профессиональный психолог, мы с вами, вероятно, встречались, очно или заочно. Пользуясь этим знакомством, сразу предупрежу, данная работа далека от привычных академических стандартов, которые, как вам известно, мне подвластны. Без ложной скромности полагаю, в ней предпринята попытка последовательно реализовать новый стандарт

со старым названием – культурно-историческая методология исследования. Правда, культуру и историю я понимаю существенно шире, чем это традиционно принято.

И все же, коллега-психолог, книга адресована не только вам. Пропало желание быть производителем заумных психологических текстов, понятных лишь узкому кругу профессионалов, если они удосужатся их просмотреть. А на сольную партию, которую можно было бы предложить просто думающим людям, сил и мастерства не хватало. Да и усвоенная с научного детства привычка робко оглядываться на академические авторитеты шагать вне строя не позволяла. Кроме того, как вам, коллега, известно, большую часть жизни мне приходилось возглавлять и представлять различные научно-педагогические сообщества – кафедру социальной психологии, затем факультет психологии Московского университета, Российское психологическое общество и прочее по совместительству. Как ни старайся, глашатаю трудно иронизировать по поводу произносимых речей. Искренняя реакция на юмор предполагает равенство собеседников, иначе – подобострастное хихиканье, меня оно не прельщает.

Сейчас ощущаю необыкновенную легкость и свободу. В том числе в мыслях. Проснулось полузабытое желание не по программе свободно поговорить с умным человеком. С вами, уважаемый читатель. Уверяю вас, это обращение – не потаенная попытка заранее снискать вашу благосклонность. Как любому автору, мне, разумеется, хочется, чтобы вы с восхищением закрыли книгу, дочитав до конца. Но даже если вы это сделаете прямо сейчас, я найду средства защитить самооценку. Надеюсь, конечно, они не потребуются и нам удастся степенно побеседовать о главной проблеме гуманитарного знания – проблеме человека. Но человека как такового, во всей тотальности его бытия, сказал бы философ, а не об изблуженных психологией частных особенностях его восприятия, мышления, памяти, мотивации, эмоций и тому подобных «психических процессов и функций». Задержимся на минуту на слове «функция». Восходящее к латинскому *functio* – «исполнение», «отправление», «деятельность», в современных толковых словарях русского языка оно трактуется как явление, зависящее от другого явления и изменяющееся по мере его изменения, либо как работа, производимая организмом или отдельным органом, либо как круг служебных обязанностей, либо как роль, значение чего-нибудь*. Услышав это слово, всегда прошу уточнить: чья функция? Мозга? Человека? А он-то что собой представляет? Не проще и с «процессом» (восходит к латинскому *processus* – «продвижение»), толкуемым как ход, развитие какого-нибудь явления, последовательная смена его состояний**. Тот же вопрос: что «идет», «развивается» и «сменяется»? Опять не уйти от раздумий о природе человека в целом.

Счастлив за вас, уважаемый читатель, если ваш интеллект не поработен знанием многочисленных частных теорий всех этих психических

* Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2007. – С. 1059.

** Там же. С. 771.

функций и процессов. С вами мы можем непредвзято обсудить природу человека как такового, прислушиваясь к авторитетам, но не потрафляя им. И еще. Я как-то поделился замыслом этой работы с весьма искушенным коллегой. «Сейчас я тебе все объясню», – быстро произнес он. Ответ был готов раньше, чем сформулирован вопрос. Не будем торопиться и заглядывать в конец детектива. В человеке ведь интересна интрига, а не финал его земной жизни. Последний известен, неминуем и идентичен. Поучимся у великого Сократа искусству вопрошать. Прорицать истину предоставим дельфийскому оракулу. А спросить у него нам явно есть о чем: человек по сей день остается одной из величайших загадок всех времен и народов. Об этом свидетельствуют и насчитывающая несколько тысячелетий история повсеместных, но тщетных попыток понять его происхождение и предназначение, и отсутствие однозначного ответа на вопрос «кто он?». Определение, учат философы, – логическая процедура придания строго фиксированного смысла терминам языка. Слово «человек» – из наиболее употребимых в русском и любом ином языке. Какими же отличительными свойствами должно обладать некое существо, чтобы его по праву причислили к группе людей?

Вспомнив наиболее популярные дефиниции, первым среди подобных свойств следовало бы, по-видимому, назвать разумность. *Homo sapiens* – всякий чуточку образованный человек хотя бы раз не без удовольствия слышал и не без гордости провозглашал этот очевидный комплимент мыслительным способностям себе подобных. Сомневаюсь, что великий шведский натуралист К. Линней, который ввел в научный оборот этот термин для обозначения неандертальцев, кроманьонцев и современных людей, рассчитывал, насколько лестным окажется это словосочетание для современников и благодарных потомков. Не менее известное атрибутивное определение человека – *homo faber* – «ремесленник», «созидатель», то есть существо производящее. Самое время принести хвалу Создателю за вместительный череп, прямохождение и хорошо развитый, полностью противопоставленный остальным, большой палец руки. Ведь благодаря этому человек научился точно манипулировать предметами, создавать и использовать орудия, другими словами, выживать, невзирая на очевидную биологическую неприспособленность. Не случайно один из исчезнувших видов ранних гоминид, овладевших навыками обработки камней около двух миллионов лет назад, антропологи именуют *homo habilis* – «человек умелый». Некоторые авторы, восхищенные созидательными возможностями человека, поспешили провозгласить его творцом – *homo creator*, что, разумеется, было благосклонно воспринято читающей публикой (оставим философам обсуждение вопроса о критериях, пределах и последствиях человеческого творчества). Поскольку одним из главных результатов творческой активности людей являются символы, прежде всего слова, Э. Кассирер предложил назвать человека существом символическим – *homo symbolicus*. Еще одним отличительным свойством человека, заслуживающим упоминания в этом ряду, является его общественный характер. Политическим животным именовал человека Аристотель, экономическим его окрестили на заре европейского Нового времени, а уж

вызубренную в студенческие годы формулу человека как «совокупности всех общественных отношений» гуманитарии старшего поколения вспомнят и разбуженные ночью. Ориентируясь на реестры отличительных свойств человека, составленные серьезными философами, к названным характеристикам добавлю лишь две: отмеченную Б. Спинозой способность, познав необходимость, обрести свободу (*homo liber*) и раскрытый Й. Хейзингой дар игрового отношения к действительности (*homo ludens*). Мне симпатичны попытки представить смех и стыд как прерогативу человека, но по мордам и хвостам наших мопсов знаю: они тоже способны их испытывать.

Подводя итоги блицобзора трактовок человека, испытываю два взаимоисключающих чувства: глубокого удовлетворения от принадлежности к виду, обладающему столь значительными достоинствами (разум, свобода, созидание, творчество...), и глубокого сомнения, любой ли представитель данного вида – *homo naturalis* – в полной мере владеет этим богатством. Разумеется, слегка поднатужившись, каждый назовет несколько разумных, деятельных, творчески одаренных, социально адаптированных и по-своему свободных современников, хотя эти дары чаще встречаются не оптом, а в розницу. Увы, люди, лишённые подобных способностей, всплывают в памяти без запинки. Складывается впечатление, что перечисленные отличительные свойства человека не столько задают границу между ним и иными живыми существами, сколько выделяют «отличников» рода человеческого. Получается нечто схожее с застывшими физиономиями передовиков производства на доске почёта советского времени.

Авторы статьи «Человек» в 4-томной Новой философской энциклопедии, посетовав на отсутствие развитой и общепринятой концепции человека, отмечают: «Вся история философской мысли и есть в значительной мере поиск такого определения природы человека и смысла его существования в мире, которое, с одной стороны, полностью согласовывалось бы с эмпирическими данными о свойствах человека, а с другой – высвечивало бы в будущем перспективы его развития»*. Стало быть, стратегия философских поисков человеческого естества состоит в попытке совместить его нынешнюю жизненную реальность с тем обликом, который оно сможет и должно приобрести в неблизком благоприятном будущем. Реализуя названную стратегию, философы и философствующие представители конкретных человековедческих дисциплин сосредоточили усилия главным образом на проектировании идеального Человека, царство которого наступит в светлом завтра. Почему конструирование эталона стало центральным предметом раздумий о судьбе человека? Причин много. Во-первых, мечты о прекрасном будущем, как и прошлом, – лучшее лекарство от тягот настоящего. Во-вторых, нет мыслителя, который втайне не мечтал бы прослыть пророком. В-третьих, кроме славы пророка, проектирование человека позволяет надеяться на статус и гонорары творца: идеал ведь не просто манит, но и продается заказчику в упаковке всяческих «развивающих»

* Фролов И.Т., Борзенков В.Г. Человек // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. – М., 2001. – С. 344.

тренингов, консультирования и т.п. Итог? Конструкт человека, напоминающий монументального слащавого Франкенштейна, небрежно сшитого из плохо подогнанных достоинств и озабоченного идеей непрерывного самосовершенствования.

Не будем чрезмерно иронизировать. У А.А. Гусейнова, отвечающего на вопрос «что же мы такое?», нашлись весомые аргументы для вывода, что «человека в природном, физическом мире отличает его нежелание примириться со своим положением. Он не отождествляет себя со своим эмпирическим бытием, телесностью, пассивно – страдательным статусом в мире, со своей тварностью. Человек – существо, и, видимо, единственное существо, которое взбунтовалось против своего существования»*. Автор называет человека «животным, устыдившимся своей животности», настаивая: «Внутреннее недовольство, отрицательное отношение человека к своему наличному бытию – не одно из психологических свойств человека, а самая основа его психологии»**. Сказано возвышенно, и не хочется спорить, тем более в «Античной этике»*** тот же автор убедительно показал: моральные каноны, осмысленные и сформулированные древними мудрецами, – не просто игра досужего ума философов. В их утверждении восторженные последователи обретали столь полное счастье, что готовы были заплатить за него самой жизнью. Впрочем, и без экзальтированной веры в строгую добродетель как дорогу к бессмертию, «этика, – подчеркивает другой философ, – является чудесным средством, благодаря которому человек может сохранить себя посреди тягот и соблазнов, может свободно говорить о самом себе как о самом важном на свете, задаваться вопросами о сверхнеобходимом»****.

Здесь, уважаемый читатель, предлагаю задуматься: обоснован ли тезис «недовольстве как сущностном состоянии человека»*****? Если не вдаваться в дискуссию о природе сущности и «сущностным состоянием» считать нечто важное, думаю, это весьма верное определение. Многие из того, что современная психология знает о человеческих эмоциях и мотивации поведения, вполне ему соответствует. Достаточно вспомнить неоднократно зафиксированную ненасыщаемость человеческих потребностей. Еще Аристотель отмечал: вождление не имеет предела и люди желают бесконечно. Обратившись к повседневному опыту и здравому смыслу, мы моментально вспомним массу вечно брызжащих сограждан и анекдоты типа «если вам больше 30 и, проснувшись утром, вы не почувствовали никаких недомоганий, скорее всего, вы в раю». Состояние здоровья, размер зарплаты и квартиры, воспитанность детей, верность супругов, действия начальников, погода, наконец, – как правило, оставляют желать лучшего. Реже, но встречались на жизненном пути люди, болезненно

* Гусейнов А.А. Что же мы такое? // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. – М., 2007. – С. 100.

** Там же. С. 94.

*** Гусейнов А.А. Античная этика. – М., 2004.

**** Дубко Е.Л. История европейской этики. – М., 2007. – С. 5.

***** Гусейнов А.А. Что же мы такое? // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. – М., 2007. – С. 94–95.

недовольные собой. Один из классиков психоанализа Альфред Адлер (1870–1937) ставил им диагноз «комплекс неполноценности». Впрочем, не обязательно тревожить покой психоаналитиков. Поговорив «по душам» с близкими, вы и сами убедитесь, недовольство жизнью и даже собой – не исключение, а правило нашего менталитета.

Не будем слишком строги в оценке оснований этого тотального недовольства: фантомные боли в ампутированной конечности – медицинский факт. И все же, уважаемый читатель, не возникало ли у вас ощущение: чужие неприятности не столь фатальны, как собственные? Не случайно же мы с легкостью рекомендуем опечаленным друзьям не расстраиваться по пустякам, хотя самим подобный совет никогда не приносил утешения. То есть не везет, конечно, всем, но по-разному. И тут – эврика! – «эпохальное» открытие: все люди похожи по потребностям, но весьма не равны по возможностям преодолеть барьеры, возникшие на пути стремлений. Кому-то, как мы непременно обнаруживаем, дается легче выбраться из трясины всеобщего невезения. Почему счастье улыбнулось кому-то, а не мне? Господь помог? Случай подвернулся? Связи сработали? Или он и вправду умнее и работоспособнее? Возможно, читатель, ваше личное знакомство с чьим-либо превосходством, в чем-то относительно значимым, произошло по иному сценарию. Но в том, что оно состоялось, – увы – сомневаться не приходится. Достоверно известно лишь об одном персонаже, абсолютно уверенном в своем полном совершенстве. Догадались? Это сын речного бога Кефиса и нимфы Лариопы – прекрасный юноша Нарцисс. Согласно древнегреческим мифам, увидев свое отражение в зеркальной глади источника, он влюбился в него, долго не мог оторваться от лицезрения самого себя и в конце концов умер от неразделенной любви, превратившись в одноименный цветок. Только ли мифическому Нарциссу присуще самолюбование? Поскольку термин «нарциссизм» более столетия активно используется психоаналитиками, идеализировать собственную личность научились и простые смертные. Понятно, самоуважение – необходимое условие выживания любого человека. Но поклонение себе любимому, радостная улыбка своему зеркальному отражению – удел особых – нарциссических – личностей, отличающихся хвастливой самонадеянностью, завышенной потребностью в восхищении окружающих. Помните, одна из пушкинских героинь постоянно требовала у зеркальца подтвердить свою исключительную красоту? И если даже ее посещали сомнения, что говорить о нас с вами, читатель. Не обладая столь раздутым Я-образом, мы-то знаем, есть некто и милее, и краше. Можно продолжить: и здоровее, и богаче, и удачливее... Как мы относимся к людям, обладающим тем желанным, чего лишены сами? Искренне восхищаемся? Уважаем и преклоняемся? Берем за образец и пытаемся добиться того же? Опускаем руки и впадаем в уныние? Возмущаемся и ненавидим? Стремимся присвоить или уничтожить чужой дар? Остаемся невозмутимо спокойными? «По-разному», – возможно, ответите вы, и будете правы. Но от чего зависит это «по-разному»? От того, кто и каковы мы сами? От того, кто и каковы обладающие нам недостающим? От того, каковы объекты нашего

вожделения, волею судьбы доставшиеся не нам, а «им»? От ситуации и обстоятельств, в которых мы оказались?

Реакция на чужой успех, о котором трубят средства массовой информации, регулярно сообщают наши собственные ощущения, – настолько важная особенность жизни современного человека, что вполне достойна стать предметом специального расследования. Слово «рейтинг», еще недавно известное лишь специалистам, сегодня общепонятно. Дело не только в выборных технологиях, ставших достоянием гласности. Вся наша публичная жизнь насквозь пропитана атмосферой конкурса (кастинга, рекрутинга, лотереи и т.п.). А в них, известно, подавляющее большинство проигрывает. Божество миллионов, успех – всегда торжество единиц. А ведь так хотелось угадать букву, слово, мелодию, получить грант, премию, быть номинированным, сорвать джек-пот, купить машину получше. Но искомую должность получил коллега, шавка соседа отхватила приз на собачьей выставке, близкий родственник отправился на отдых не в дальнее Подмосковье, а на Красное море, детей из квартиры напротив ставят нашим в пример. Мы-то чем хуже? Не так давно услышал в своей компании очередной анекдот о золотой рыбке. Пообещав, как обычно, исполнить любое желание, в этот раз она предупредила просителя, что его соседу то же самое достанется вдвойне. В ответ без запинки прозвучало: «Лиши меня, золотая, одного глаза». Рассказчик умолк, ожидающе улыбнулся, но реакции не последовало, перешли на другую тему. По-видимому, этот дикий запрос не прозвучал вызывающей смех неожиданностью. Один из моих любимых острословов Франсуа де Ларошфуко (1613–1680) съязвил: «У нас у всех достанет сил, чтобы перенести несчастье ближнего» («Максимь», 19). А счастье? Способны ли мы сорадоваться? Или «наша зависть всегда долговечнее чужого счастья, которому мы завидуем» («Максимь», 476)?

В наш разговор, вы заметили, тихонько проникло заглавное слово «зависть». Понятно, почему тихонько: «Люди часто похваляются самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться» («Максимь», 27). Поскольку мы беседуем доверительно, с глазу на глаз, давайте, положив руку на сердце, признаемся: это чувство хотя бы единожды посещало и нас. И уж совсем незачем скрывать, когда мы сами добивались чего-то значимого или просто везло, кое-кто из окружающих поглядывал с завистью. Упомянутый Ларошфуко даже полагает: «Зло, которое мы причиняем, навлекает на нас меньше ненависти и преследований, чем наши достоинства» («Максимь», 29). Впрочем, «Максимь» впервые изданы в 1665 году. «Истории о греко-персидских войнах» завершены Геродотом в 428 году до н.э., то есть за две тысячи лет до публикации прославившего герцога произведения. Описывая выдающиеся деяния эллинов и варваров в период 550–479 годов до н.э., искренне веря в сверхъестественный порядок вещей, высшую справедливость, воздающую каждому по заслугам, отец истории отметил, что «зависть изначально присуща человеческой натуре».

Если Геродот и Ларошфуко не ошиблись и зависть действительно извечна и всеобща, у нее появляется шанс попасть в число отличительных

признаков рода людского. Дело за малым – выяснить, что это такое. Что значит «завидовать»? Есть ли разновидности зависти? Как она рождается? Сколь долго живет? Чему завидуют люди? Кому? Как далеко способны зайти охваченные этой страстью? Можно ли ее одолеть? Зависть – эмоция и вызванное ею поведение – истощает или обогащает внутренний мир человека? Почему люди чаще завидуют живущим в юдоли печали, чем ушедшим в лучший мир? Почему религиозная этика много столетий квалифицирует зависть как смертный грех? И даже воинствующие атеисты и агностики стыдятся в ней признаться? Почему мы так опасаемся зависти окружающих? Есть ли у зависти антипод? Нечто, прямо противоположное ей? Вопросы множились, и в поисках ответов я, естественно, попытался найти всё объясняющую книгу. Нашел несколько – интересных и разных*. Прочел и почувствовал терзания Агафьи Тихоновны из гоголевской «Женитьбы»: «Право, такое затруднение – выбор! <...> Никанор Иванович недурен, хотя, конечно, худощав; Иван Кузьмич тоже недурен. Да если сказать правду, Иван Павлович тоже хоть и толст, а ведь очень видный мужчина. Прошу покорно, как тут быть? Балтазар Балтазарович опять мужчина с достоинствами. <...> Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича – я бы тогда тотчас же решилась». Не обнаружив исчерпывающих ответов в каком-либо одном изученном труде, решил реализовать мечту Агафьи – написать собственный, используя понравившееся у предшественников. Если вы вдруг понадеялись, уважаемый читатель, что я вознамерился предложить вашему вниманию завершённую психологическую теорию зависти, вы ошиблись. Не уверен, во-первых, что это возможно, а во-вторых, что хватит сил скрупулезно анатомировать подобное свойство человеческой природы. Еще одна причина моей академической скромности – многолетний педагогический опыт. Сколь бы обстоятелен и последователен я ни был на лекции, экзаменационные воспоминания студентов о ее содержании чаще всего представляли калейдоскоп наиболее ярких деталей. Решил не противиться природе человеческого восприятия. Калейдоскоп, кстати, – любимая игрушка моего детства. Если вы постарше, читатель, наверняка помните эту картонную или пластиковую трубочку, вращая которую можно наблюдать причудливые узоры, образуемые перекачивающимися цветными стеклышками.

* *Бескова Т.В.* Социальная психология зависти. – Саратов, 2010; *Ильин Е.П.* Психология зависти, враждебности, тщеславия. – СПб., 2014; *Кляйн М.* Зависть и благодарность. – СПб., 1997; *Куттер П.* Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. – М., 2004; *Бондер Н.* Каббала зависти. – М., 2005; *Орлов Ю.М.* Стыд. Зависть. – М., 2005; Социально-психологические детерминанты зависти / под ред. *Т.В. Бесковой.* – Саратов, 2011; *Шёк Г.* Зависть: теория социального поведения. – М., 2008; *Энштейн Д.* Зависть. – М., 2006; *Berke J.H.* Why I hate you and you hate me: the interplay of envy, greed, jealousy, and narcissism in everyday life. – London, 2012; *Polledri P.* Envy is not innate: a new model of thinking. – London, 2012; *Raiga E.* L'envie. – Paris, 1932; *Smith R.H.* (Ed.) Envy: theory and research. – New York, 2008; *Salovey P.* (ed.) The psychology of jealousy and envy. – New York, 1991.

Поиграем? Я предложу вашему вниманию несколько, на мой взгляд, ярких и значимых стекляшек – элементов того, что разузнал о зависти, а вы попытайтесь составить любезную своему уму и сердцу картинку. Примите во внимание, пожалуйста: калейдоскоп не пазл. Предложенные «элементы», как их ни перемещай, не образуют единственно верного изображения. Выстроил я их в удобном для собственного и, надеюсь, вашего разумения порядке, но на нем отнюдь не настаиваю. Если содержание какой-либо из глав вас, паче чаяния, не затронет, другая может оказаться любопытной: они связаны, но относительно независимы. Еще одно. Я старался, уважаемый читатель, быть занимательным и не злоупотреблять специальными терминами. Если издержки психологического образования все же дали о себе знать, будьте снисходительны. Одновременно не взыщите, если мои вылазки на территорию философии, культурологии, филологии, мифологии, искусствоведения и иных человековедческих наук показались дилетантскими. Для досконального освоения этих дисциплин времени не было, а обойтись без обращения к ним счел невозможным.

За все, что здесь написано, отвечаю, разумеется, я. Но удовлетворенность разговором зависит от обоих собеседников. Очень рассчитываю на вашу, читатель, любознательность и доброжелательность. Если мой расчет оправдается, вам будет интересно и не захочется прервать нашу беседу, вспомните добрым словом тех, кто мне помогал. Жену, Дарью Донцову, написавшую мне в назидание полторы сотни романов, пока я вынашивал план создания эпохального произведения. Дочь, Марию Донцову, и ее мужа Юрия Субботина. Сына, Дмитрия Донцова, и его супругу Маргариту. Дети безропотно и даже с энтузиазмом разыскивали нужный мне материал, помогали с переводом иностранных статей и просто регулярно интересовались ходом работы. Мне очень помогла профессиональная и дружеская поддержка доктора психологических наук профессора Елены Борисовны Перелыгиной. Спасибо доктору психологических наук Инне Борисовне Бовиной, существенно обогатившей перечень проанализированных мною источников. Наконец, не могу не поблагодарить наших мопсов и величественного черного кота Сан Саныча. Когда рвалась мысль и нападало уныние, они живо возвращали хорошее настроение и работоспособность.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы только-только привыкли друг к другу, уважаемый читатель, а беседа подошла к концу. Я рассказал почти все, что счел достойным нашего внимания, а вы вдоволь, полагаю, наслушались о неприязни к успехам ближнего, именуемой завистью. Надеюсь, предложенный калейдоскоп филологических, мифологических, религиозных, иконографических, философских и психологических свидетельств, образов и фактов не был утомительным и позволил представить феномен зависти в культурно-историческом многообразии и в то же время в удивительном психологическом постоянстве. Реликтовое свойство человеческой природы, осуждаемое

и отмаливаемое тысячелетиями, – зависть – поныне здравствует и процветает. Поразительная, сродни бессмертию, живучесть, тайну которой мы попытались разгадать. Эту попытку предлагаю счесть главным результатом нашей встречи. Избежим школярских выводов. Подведение итогов и наделение смыслом моих речей – ваше личное дело и в инструктаже не нуждается.

Будучи скептиком, все же уверен: вы непременно рекомендуете этот трактат интеллектуально небезнадежным друзьям, а те – собственным. Сглаз и зависть никого не оставляют равнодушным. А тут – редкая удача – умно, занятно, с картинками. Согласно забытым рекламным лозунгам, не просто книга, а «источник знаний» и «лучший подарок». Если вы не поспешите на просвещение ближних, допечатка тиража не за горами. Перерабатывать текст не намерен: лучшее – враг хорошего, да и тема за годы раздумий утратила свежесть и наскучила. Однако, страдая перфекционизмом и все-таки стремясь к совершенству, хочу посоветоваться по двум вопросам. Первый: сохранить ли при переиздании знак вопроса в заглавии? Спрашиваю не потому, что сомневаюсь в завистливости рода людского. Латинские эпитеты к *Homo*, начиная со знаменитого *sapiens*, обычно фиксируют исключительные отличия человека от «братьев наших меньших», в том числе генетически близких нам шимпанзе. Экспериментально установлено: *Pan troglodytes* озабочены преимущественно собственными достижениями, не зависящие от них успехи сородичей гнева не вызывают, более того, оставляют равнодушными*. Зависть, следовательно, оказывается прерогативой человека, и вопросительный знак становится ненужным. Но смущают результаты широко известного эксперимента с обезьянами капуцинами, когда за выполнение аналогичного задания одна обезьяна получала ломтики огурца, а другая – виноградины**. Слово одному из авторов опыта: «Обезьяны легко выполняли задание, пока вознаграждение за него было одинаковым, причем любым, но отказывались от неравного вознаграждения с таким упорством, что сомнений в их чувствах не оставалось... Обезьяна, получившая огурец впервые, удовлетворенно его схрумкивает, но уже на второй раз устраивает скандал, если видит, что ее товарка получает виноград. После этого она неизменно выбрасывает свой жалкий огурец и начинает трясти клетку в таком возбуждении, что та едва не разваливается»***. Впоследствии эксперимент был воспроизведен с

* *Silk J.B., Brosnan S.F., Vonk J., et al. Chimpanzees are indifferent to the welfare of unrelated group members // Nature. – Vol. 437. – 2005; Jensen K., Hare B., Call J., Tomasello M. What's in it for me? Self-regard precludes altruism and spite in chimpanzees // Proceedings of the Royal Society of London, Series B. – Vol. 273. – 2006; Jensen K., Call J., Tomasello M. Chimpanzees are rational maximizers in an ultimatum game // Science. – Vol. 318. – 2007; Jensen K., Call J., Tomasello M. Chimpanzees are vengeful but not spiritual // The proceedings of the National Academy of Sciences USA. – Vol. 1004 (32). – 2007.*

** *Brosnan S.F., Waal de F. Monkeys reject unequal pay // Nature. – Vol. 425. – 2003.*

*** *Вааль де Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. – М., 2014. – С. 329.*

участием шимпанзе, и его результаты оказались идентичны*. Таким образом, человекообразные разделяют с нами порок зависти, и знак вопроса в заглавии уместен. Что посоветуете, читатель?

А ведь прав оказался свт. Григорий Нисский (ок. 335 – ок. 394), в трактате «Об устройении человека» отметивший «средство страстей, равно обнаруживающихся в нас и в бессловесных... ибо не в раздражительной силе у человека подобие Божие и не сластолюбием отличается естество преимущественное; и боязливость, и дерзость, и желание большего, и отвращение от скудости, и всё этому подобное далеко от признаков боголепия. Поэтому естество человеческое извлекло это из бессловесной в себе части...»**. Неблаголепие, пусть и частичное, человеческих стремлений, по-видимому, подвигло Канта заключить, что «в системе природы человек – незначительное существо, имеющее ценность, одинаковую с другими животными как продуктами земли»***. Слишком желчно, чтобы быть верным. Однако и возлюбленный многими тезис о человеке как венце творения, априори противопоставленном животному и природному миру, тоже тенденциозен. Мне понравилось название книги современного французского философа Жана-Мари Шеффера, сформулировавшего очередную «натуралистическую программу» изучения человека – «Конец человеческой исключительности»****. Возможно, автор последовал остроумной рекомендации своего великого соотечественника М. Монтеня, данной пятью веками ранее: «Цоколь – еще не статуя. Измеряйте человека без ходулей»*****.

Как же непросто, сняв человека с ходулей, признать в нем не безупречную сияющую вершину, а «один из эпизодов эволюции»*****, озабоченной не совершенствованием, а выживанием вида *Homo sapiens*, оказавшегося одновременно еще и *Homo invidens*. Что же с ним, завистником, делать? Предать анафеме? Было, не сработало. Возлюбить, как и всякого иного ближнего? Редко получается. Принять как данность и смириться? Великодушия и терпения не хватает. Дистанцироваться, прекратить общение? Не всегда возможно. Перестать радоваться жизни, дабы не раздражать ближних? Уныние не гарантирует душевного покоя. Не хвататься, не давать пищи завистливым взорам? Так ведь позавидовать могут и нарочитой скромности как проявлению независимости. Способствовать обретению завистником желаемого? Разумно, если возможно, хотя благоденствие не исключает ненасыщаемости желаний и огорчения

* *Brosnan S.F., Schiff H.C., Waal de F.* Tolerance for inequity may increase with social closeness in chimpanzees // *Proceedings of the Royal Society London, B.* – Vol. 272. – 2005; *Brosnan S.F., et al.* Mechanisms underlying response to inequitable outcomes in chimpanzees. *Pan troglodytes* // *Animal Behaviour.* – Vol. 79. – 2010.

** *Григорий Нисский, свт.* Об устройении человека // *О человеке.* – М., 2011. – С. 85.

*** *Кант И.* Метафизика нравов // *Кант Иммануил. Критика практического разума.* – СПб., 2007. – С. 196.

**** *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности. – М., 2010.

***** *Монтень М.* Опыты. – М., 2012. – С. 196.

***** *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности. – М., 2010. – С. 9.

превосходством ближнего. Насытив страждущего, благодарности можно и не дожидаться. Предметом раздражения и неприязни станет не незаслуженно обильная еда, а нечто иное. Мудрый Аристотель предупреждал: «...человек порочный не бывает один, в нем всегда толпа, и на дно он без конца податлив лепке и переплавке»*. Словом, справиться с чьей-то завистью едва ли возможно, разве что поселиться на необитаемом острове, никому об этом не сказав. Как же тогда одолеть собственную печаль о чужих заслугах, обошедших самого стороной? Можно ли себя принудить радоваться тому, что инстинктивно отвергается? Упорно искал рецепты безмятежного счастья в трактатах всех времен и народов. Древние, средневековые, современные целители душ главным средством самоисцеления от зависти чаще всего называют умение довольствоваться имеющимся и помнить о тех, кому тяжелее. Чуть перефразировав Козьму Пруткува, нам упорно советуют «не чесать, где чешется». Что-то нет настроения плодить и обсуждать подобные наставления. Согласны? Это и был второй вопрос, о котором хотел посоветоваться. Думаю, и в будущих изданиях обойтись без раздела о домашнем врачевании беса зависти. Изгнать его самостоятельно едва ли удастся. Быть может, детальное знакомство с анатомией этого чувства позволит его слегка контролировать. В трудных случаях обращайтесь за профессиональной психологической помощью. Исцеления не ждите, но станет легче. Главное – не заразите детей. Говорят, возможно**. Удачи вам.

* Аристотель. Евдемова этика. – М., 2011. – С. 229.

** Toner J.B., Freuland C.A.B., Thompson D. What to do when it's not fair: A kid's guide to handling envy and jealousy. What-to-do guides for kids. – Washington, 2014.